в движении», № 782). Охваченный любовным неистовством галан не знает себе преград. Купидон пускает стрелу в рыцарские доспехи — «Сквозь пройдет» (№ 840), он обезглавливает дракона — «Победу учиню над лютыми зверьми» (№ 696), он вгрызается киркой в скалу, на котоой лежит пылающее сердце, — «Когда ни есть завладею» (№ 686), а завладев, уносит его преследуемый многоглавой гидрой («Ничто у меня не отымет», № 696).

Любовь безрассудна. Она покушается на недоступное. «Выше себя неволю» — говоит купидон, взирая на пылающее сердце на высокой колонне (№ 686). Любовь изобретательна, «снискивает пути и способы» (№ 255). В любви нужна не только смелость, но и тонкое притворство: «Надлежит лицемерить» — провозглашает купидон с маской в руке (№ 46), но это «Лукавство любовью всегда сладко», утверждает купидон, накидывая петлю на шею другого (№ 682).

Любовь быстротечна и непостоянна. Купидон мечет стрелу в огонь, с девизом «Скоро родился, скоро исчезе» (№ 45). Пожирающее его пламя угасает. Он сам тушит его — «Еже мя питает, то и погашает» (№ 54) рассерженный, он опускает свой факел и мочится на него (№ 475). Купидон часто бродит впотьмах и продвигается ощупью («Любовь всегда не смела», № 803). Но она внушает красноречие купидону в шлеме, с копьем и надетой на него перчаткой, с девизом «Любовь велеречие промышляет» (№ 790). Но больше всего предпочитает молчание и тайну: «Жечь и молчать» — провозглашает купидон с горящим сердцем в руках (№ 700), «Не говорить привые» — заявляет другой, приложив палец к губам (№ 526).

Целый кодекс любовного обхождения и политеса, в котором так нуждалось неотесанное русское дворянство для выражения своих чувств и вожделений. Они преломлялись в повестях петровского времени и прокладывали путь к галантной лирике Тредиаковского и анакреонтике Ломоносова.[103]

При Петре эта линия развития (в сторону рококо) только еще намечалась. Он отверг изображенных у де ла Фея (табл. 4, № 11), а затем и в «Символах и емблематах» (№ 38) амуров, бьющих с двух сторон по наковальне с лежащим на ней пылающим сердцем. С тем же девизом «Потребен труд во время» на транспаранте, выставленном во время фейерверка 1704 г., появляются заправские кузнецы в обстановке реально изображенной кузницы, в полном соответствии с общими задачами этого зрелища. Однако купидоны не остались втуне. Они нашли место в «огненной потехе», устроенной по случаю свадьбы Анны Иоанновны в ок-

---

[103] А. Морозов. Купидоны Ломоносова. К проблеме барокко и рококо в России XVIII века. — Československa rusistická, 1970, N 3, см. также: R. Lachman. Pokin', Kupido, strely. Bemerkungen zur Topik der russischen Liebesdichtung des 18. Jahrhunderts. — Slavistische Studien zum VI. Internationalen Slavistenkongress in Prag 1968. München, 1968, S. 449—471.